

**Алексей Глушановский,
Светлана Уласевич**

ЦЕНА ИМПЕРИИ

— Слава! Слава победителю! Слава Стальной Хватке!

Ремул пылал. Орда ланов пришла по весне, и не ожидавшая нападения столица некогда могущественной Ромейской империи рухнула под копыта коней законных в сталь воинов Сельмана. И теперь, объятый бушующим пламенем, величественный город терял последние признаки былой красоты.

Сквозь многочисленные проломы в стенах в него непрерывно вливались войска молодого полководца, сына Сельмана Кровавого. Уцелевшие жители еще сопротивлялись, но это была уже агония. Особенно отчаянная битва шла около сердца Ремула — священной рощи, рядом с которой стоял небольшой, но удивительно прекрасный белоснежный храм с золотой отделкой. Издали он походил на сказочное облако, спустившееся на мгновение с неба, чтобы отдохнуть, укрывшись зеленым одеялом леса.

Поглядывая с высокого холма на развернувшееся зрелище, Аларих Стальная Хватка презрительно ухмылялся. Воистину странные люди эти ромеи! К чему такая отчаянная оборона какого-то здания, пусть даже и довольно красивого? Чего защищать-то? Он еще мог бы понять, если б с подобной фанатичной храбростью враги спасали дворец своего правителя или городскую казну. Но нет. Эти стратегические объекты были взяты еще

два часа назад, и там при штурме столь яростного сопротивления не наблюдалось. Но вот этот храм...

— Передай Сыну Бури и Приносящему Гибель, чтобы они вели свои сотни к храмовому кварталу, — приказал он адъютанту. — А не то Безумный Лучник провозится там до вечера! — Подчиненный понятливо кивнул и опрометью бросился исполнять приказ.

— Стой! — окликнул его Аларих, которому в голову пришла еще одна идея. — После того как выполнишь, передай Лучнику, что я приказываю захватить живьем как можно больше из этих... храмовников, с которыми он сейчас сражается. Как минимум одного, но живого и без серьезных повреждений.

Молодой вождь ланов, заинтересовавшись столь решительным сопротивлением одного из участков городской обороны, решил разузнать о причинах данного явления подробнее. Аларих не видел никакого смысла в столь отчаянном стремлении отстоять какой-то храм и расположенную за ним рощу. Более того, на месте командира обороны он в первую очередь убрал бы воинов от зеленого массива. В конце концов, боги на то и боги, чтобы защищать себя самостоятельно! Что это за бог, который не способен уберечь свой храм от людского нападения? И зачем такой бог вообще кому-то нужен? Какая от него польза?

Своих богов ланы не охраняли никогда. Более того, их святилища специально размещались в самых уязвимых местах крепостей и лагерей, там, где в случае осады вероятность прорыва врагов наиболее вероятна. И свирепые боги племени превосходно несли свою службу, помимо прочих обязанностей, исправно уничтожая любых не званных жрецами гостей, осмеливавшихся появиться в пределах святилищ.

Стычки, нападения и прочие неприятности с полукочевым племенем происходили не так уж редко, а потому «естественный отбор» среди божеств был весьма и весьма велик. Зачем поклоняться тому, кто даже не мо-

жет защитить свое святилище? Подобных глупцов среди ланов не было.

Впрочем, тридцать лет назад, когда к власти в племени пришел отец Хватки — Сельман Кровавый, на священном поединке голыми руками вырвавший из груди прежнего вождя сердце и съевший его целиком прямо в кругу боя, все изменилось. Через пару дней после своей знаменательной победы новый вождь объявил подготовку к великому Походу. Он собрал бы войска и на следующий день, но, увы, некоторое время потребовалось на то, чтобы задобрить изрядно возмущенный подобной трапезой желудок. (С тех пор Сельман Кровавый весьма и весьма настороженно относился к старинным традициям, в любой ситуации предпочитая хорошо прожаренный бараний бок сердцу даже самого могучего, сильного и отважного противника.) И вот, еще тридцать лет назад племя ланов — не самое большое, не самое могучее и далеко не самое главное из множества обитавших на западе Великой Степи народов — начало свое восхождение к власти.

Очень быстро покорились занятые междоусобицами соседи. У покоренных противников Сельман взял самое лучшее и, безмерно довольный собой, направил уже грозное и значительно разросшееся войско на дальних соседей Великой Степи... Кого-то будущий император взял хитростью, кого-то напором и численным превосходством, кого-то опередил в стратегии. Для Сельмана все средства были хороши. И вскоре образовалось гигантское государство — Великая Степь.

Сейчас никто не мог и мечтать о том, чтобы взять в осаду какой-нибудь из городов Степи, могучей, захватившей полмира империи, войска которой ныне повергли в прах своего главного соперника — великое и древнее Ромейское государство, чья столица в данный момент пылала под ногами Стальной Хватки.

Стальная Хватка усилием воли прервал свои размышления на тему новейшей истории. Осторожно

огляделся по сторонам, желая убедиться, что никто не заметил минуты постыдной и недостойной настоящего воина отвлеченности, после чего облокотился на подлокотник изящной беседки, с которой бывший император бывшей Ромейской империи любил наслаждаться видами столицы, и вгляделся в развернувшуюся перед ним завлекательную панораму.

Пожары охватили некогда прекрасный город на западе. Там располагались трущобы, и воины Хватки не тратили сил и времени на грабеж да захват пленных, попросту выжигая унылое место. Рабы из трущобников получались плохие: наглые, ленивые и вороватые, так что даже у самого добродушного работоторговца за них нельзя было получить более одного серебряного. Девки были некрасивыми, тощими и частенько больными, а ценного имущества и вовсе не имелось. Так что трущобы вместе со всеми жителями были целиком преданы огню, а изредка выбегавших из бушующего пламени обезумевших людей воины ланов, не тратя лишнего времени, расстреливали из луков и арбалетов.

Конечно, можно было бы взять их в рабство, но... телеги обоза и так уже трещали от тяжести взятой драгоценной добычи, а у работоторговцев заканчивались кандалы и веревки для связывания пленников, да и с едой могли возникнуть проблемы. К чему тратить ценные ресурсы на дешевую добычу, когда можно взять в плен ремесленников и грамотеев, плата за которых куда как больше будет.

Благо, бои за ремесленные и купеческие кварталы уже практически закончены, и их можно грабить небезопасно. Главное с поджогами не переусердствовать! Да и квартал знати вместе с императорским дворцом уже пал. Сопротивляется только храм. Но это ненадолго. Максимум — до подхода тяжелых латников из сотен Сына Бури и Приносящего Гибель. Город был практически взят. И единственным человеком из всей армии

вторжения, который не радовался этому, был только сам ее предводитель — Стальная Хватка.

Недавно молодой вождь узнал неприятную тайну, и нынешняя победа лишь доказала ее истину.

Он обречен на успех. Не то чтобы это возмущало юного полководца, который уже успел зарекомендовать себя как отличный боец и прекрасный стратег. Нет. Молодого мужчину злило то, что его отец, великий воин и завоеватель, захотел покорить весь мир и, чтобы наверняка воплотить мечту, продал свою душу демону в обмен на удачу в битве. Но если б только это! Нет! Великий завоеватель, покоривший сотни народов, чья империя протянулась от Северного моря до Южного, от Восточной реки до Горного края, заложил в придачу к своей душе и души всех своих потомков, включая и самого Хватку. Для чего ему, собственно, душа, юный вождь пока не задумывался, но, как любой собственник, терпеть не мог, когда распоряжаются его добром. Да и зачем?

Его отец, Сельман Кровавый, одолел почти полмира! До завоевания всего мира осталось совсем немного, всего лишь вторая половинка. И Хватка прекрасно справлялся с поставленной задачей. Лучший воин, великолепный стратег, он был отнюдь не прочь продолжить дело отца. Аларих уже присоединил к их империи достаточно большой кусок земель. Железная воля и стальной кулак степных воителей позволяли держать огромную страну в подчинении и страхе. Враги ненавидели их и боялись. Зачем было перестраховываться и связываться с демоном?! Он что, ему не доверяет?

А еще эта хандра! Молодой вождь обвел тоскливым взглядом раскинувшийся под ним пылающий город. В последнее время, завоеывая, покоряя и низвергая, он ощущал, что ярость и упоение боем, радость победы над сильным и умелым противником куда-то уходят, исчезая, как вода, пролитая на сухой песок раскаленной пустыни, оставляя лишь скуку, равнодушие и сосущую пу-

стоту где-то глубоко внутри. Ласки прекрасных пленниц уже не приносили наслаждения, блестящие победы не доставляли радости, а восторг и обожание воинов вызывали только глухое раздражение.

Чего-то хотелось молодому вождю, что-то тосковало и рвалось изнутри, но что? Он и сам не знал. И этого *что* не могли дать ни шаманы его народа, ни жрецы иных богов, ни бои, ни вино, ни женщины. Хватка в ярости стиснул зубы. Чего-то не хватало, не хватало, не хватало!!! Ррах бы их всех побрал!!!

Хватка от души врезал закованным в боевую перчатку кулаком по перилам беседки. Раздался громкий хруст, и изящное, изукрашенное тонкой резьбой каменное кружево ограды раскололось на несколько частей, осыпавшись к ногам воина.

— Чего буянишь? — раздался рядом вкрадчивый хрипловатый голос с шипящими интонациями.

Аларих обернулся и увидел странное создание. Тело его словно было соткано из струящейся тьмы, а лицо напоминало маску Ллуарта, кровавого бога войны и смерти. Щели-глаза, ноздри и рот светились алым огнем. Тварь, демонстрируя чудеса гибкости и грации, постоянно двигалась, словно танцующий пар над чашкой горячей воды. «Слуга Ллуарта. Демон, которому отец продал свою душу!» — стало ясно Хватке.

— Кто ты?

— Ты уже знаешь, — оскалилось существо, и из его пасти вырвался красноватый дымок.

— Зачем пришел?

— Вот только не надо стоять из себя недогадливого мальчика! — фыркнул демон, становясь полупрозрачным и пытаясь обвить талию молодого человека. Юный вождь отступил. — Ну же, великий воитель... — Слова демона явственно отдавали насмешкой.

Разгневанный вождь вновь сжал тяжелый кулак. Демон он там или нет, а насмешек над собой Хватка терпеть не собирался. Интересно, череп этого создания на-

много ли крепче бычьего? Голову быка он проламывал с одного удара.

— Какой горячий юноша. — Слуга войны одобрительно рассмеялся, скользящим движением пропуская удар мимо себя, и вновь приблизился вплотную. — Твоя душа будет истинным украшением коллекции моего повелителя. И я пришел, чтобы забрать принадлежащее ему!

— А забиралки вымыл? — огрызнулся Хватка, вновь избегая контакта с демоном, который так и лип к его ногам. — Бычьи ядра тебе в глотку, а не моя душа, понял?

— Ты узнал о договоре твоего отца с моим повелителем и атаковал великую империю. Ты победил всего с одним туменом воинов против бесчисленных легионов врага. Мы честно выполняем свою сторону договора — твоя победа тому свидетельство, и мы пришли за своей платой. Отдай!

— Это была проверка, — не растерялся молодой вождь. — Мало ли о чем отец говорил. Доверяй, но проверяй. Вдруг никакого договора и вовсе не существовало, а он просто глупо пошутил? И вообще, никаких «бесчисленных легионов» и близко не было! Против нас выступили Третий, Четвертый и Пятый легионы Центра, Первый и Восьмой Восточные и Шестой Западный. Мне ли не знать количества разгромленных врагов!

— Всего-то трехкратное преимущество у имперцев, — насмешливо протянул демон.

— Каждый мой воин стоит пяти заживевших имперских свиней! — запальчиво выдохнул Хватка. — Преимущество было на моей стороне!

— Ну-ну, — все с той же нескрываемой насмешкой заметил слуга Ллуарта. — Нет, я не спорю, у тебя и впрямь имелось немалое преимущество, благодаря которому ты победил... На твоей стороне был мой повелитель! Отдавай душу! Теперь ты знаешь, что договор существует!

— Да, существует, — кивнул Хватка. — Но он заключен без моего ведома и согласия!

— Хочешь признать его недействительным? — В голосе демона прорезались стальные ноты.

— Не я заключал, не мне и расторгать, — осторожно ответил молодой воитель. — Но моя душа в оплате не участвует.

— А зачем тебе она? — прильнул к нему демон и капризно протянул: — От нее одни проблемы! Вон как ты мучаешься. Ночами не спишь, страдаешь. Все тебе чего-то хочется, к чему-то тянет... А не будет души — и жить станет куда проще. Ты уж поверь, у нас в этом немалый опыт.

Вождь отошел от струящейся фигурки из мрака. Фамильярное поведение слуги Ллуарта раздражало. По голосу демон воспринимался как существо мужской природы, но вот движения и повадки больше напоминали женские. Это злило. Не так он представлял себе могущественного демона, одного из первых слуг Повелителя Войны. Совсем не так.

До сих пор Стальная Хватка был уверен, что у Властелина Боя и слуги должны быть воинами. А уж два воина, несомненно, нашли бы общий язык и смогли договориться! Хотя бы и о хорошей драке. Но в чем-либо соглашаться со струящимся недоразумением с бабскими повадками? Он презрительно сплюнул в сторону демона. Договариваться с подобной пакостью, и уж тем более отдавать ему свою душу не хотелось категорически, и Хватка решил прямо стоять на своем.

— Не твое дело, зачем мне душа! Повторяю, эта война — максимум проверка выполнения вами условий договора. И вообще, мой отец совершил изрядную глупость; я и так сокрушил бы любого, кто встал на моем пути! Без всяких там!

Он еще раз метко плюнул в сторону демона. Увы. Этот плевок, точно так же как и предыдущий, своей цели не достиг. Слуга Ллуарта легко увернулся ка-

лимо изогнувшись, нырнул прямо в отбрасываемую Стальной Хваткой глубокую тень и исчез из виду.

Аларих вновь раздраженно сплюнул и пнул поддерживающую крышу беседки мраморную колонну. Врах бы побрал это бабское недоразумение с его новостями!!!

— Злишься, господин? — раздался за спиной веселый голос.

Хватка обернулся. Хотя, в принципе, он и так знал, кто это. Его лучший друг и по совместительству правая рука Тилла Танцующий Лис редко когда называл Алариха «господином», но каждый раз, когда он так обращался к юному полководцу, сын вождя странным образом успокаивался. Загадку подобного явления не мог объяснить никто, даже сам Ал.

— Так чего ты такой хмурый, друг? — хлопнул его по плечу Тил. — Мы разгромили город, захватили добычу, сейчас добьем храмовников, и будет пир! А у тебя такая мина, будто муху проглотил. Ну же, улыбнись, пойдем выпьем, развеешься, с рабыней отдохнешь. Поверь, нет лучшего средства от хандры.

Аларих взглянул на Тиллу. О да! Его друг знал вкус жизни! Он не был пьяницей или гулякой. Нет. Но каким-то странным, непостижимым чувством Тил знал ценность мгновения и мог ощущать полноту жизни и наслаждаться этим. И люди тянулись к нему. Весельчак Тилла знал тысячи историй, умел поднять настроение и поддержать затосковавшего товарища.

Женщины обожали симпатягу Лиса за нежность и ласку, дети на праздниках липли и просили рассказать сказку. И только Ал знал, что за внешне добродушным и беззаботным видом прячется очень неоднозначный и непростой человек. Не зря же Тил стал его другом и правой рукой. Лис казался ему похожим на море, что омывало южные границы Великой Степи. С виду тихая и спокойная гладь, дарующая наслаждение взгляду, но нет дна под гладкой и манящей лазурной поверхностью,

и опасные создания скользят в бесконечной водной толще.

Такой же и Тил. Одновременно изменчивый и постоянный, простой и сложный, бескорыстный и коварный, нежный и жестокий, весельчак и философ. Он умел сочетать в себе противоречия и самое главное — знал, когда какой из многочисленных граней своей личности следует пользоваться. Нет, не зря, далеко не зря его прозвали Танцующим Лисом.

Хватка взглянул на друга и со вздохом согласился:
— Хорошо, я попробую повеселиться.

Прогноз Тиллы оказался верен. Впрочем, Аларих не мог припомнить случая, когда его друг ошибался бы в таких вещах. Отчаянно обороняющие храм ромеи не продержались и до заката, а к утру перепуганные жители Ремула уже полностью склонились перед мощью Великой Степи. Для установления полной власти над павшим городом хватило и дня. Пожары были потушены, и смиренные рабы, еще три дня назад бывшие гордыми гражданами великой Столицы Мира, как заносчиво именовали они свой город, приступили к разбору завалов. А вечером была гулянка. Традиционный Пир победы, праздник и священнодействие, восхваляющее принесших победу богов. Поддавшись мимолетному желанию, Хватка приказал устроить его в той самой роще, подступы к которой вчера так отчаянно защищали остатки местного гарнизона. Сейчас тела павших уже были убраны, и под величественной сенью вековых деревьев, на том самом месте, где совсем недавно гремели звуки смертельной схватки, развернулось шикарное празднество.

Правда, Алариху вовсе не хотелось приносить восхваления пытающемуся захватить его душу Ллуарту, однако не лишать же людей заслуженного отдыха из-за своих разногласий с богом войны?

Алексей Глушановский

...НАС НЕ ОСТАВЯТ В БЕДЕ!

Бывают на болоте такие окна — один неверный шаг на обманчиво надежную поверхность, и человек почти мгновенно исчезает, провалившись на огромную глубину. И нет даже шанса его вытащить, спасти, помочь, и только томительно-медленные волны расходятся по предательской трясине. Глубоки белорусские болота, и не расстаются они с попавшейся добычей. Был человек — отличный сапер, хороший боец и просто преданный друг Серега Кузнецов; жил, сражался, мечтал о победе — и вот нет его. Сухо щелкнул боек предварительно разряженного автомата, отдавая последнюю честь ушедшему.

Но самое страшное — это не гибель Кузнецова. На войне всякое случается. Были в отряде еще саперы, пусть и не настолько хорошие, но способные заменить ушедшего. Самым страшным была пропажа нескольких небольших брикетов, находившихся в его рюкзаке, который сейчас лежал где-то в глубине жадного болота. Взрывчатки больше не было. Совсем. Отряд возвращался из глубокого рейда, когда совершенно случайно натолкнулся на секретный объект. Уж больно хорошо замаскировали, гады! А взорвать его надо. Очень надо. Слишком много крови портила эта станция.

Но взрывчатки нет. Нет совсем. Ни грамма. И надо-то совсем немного, вот что самое обидное, но нет. Теперь уже нет. За время рейда группа израсходовала все, что было. Не осталось даже гранат. И патронов — по

полтора рожка на человека. С таким боезапасом много не навоюешь.

Собственно, вся надежда группы до этого момента была лишь на отчаянный, самоубийственный рывок: прорваться к станции, пока расслабившаяся, целиком полагающаяся на свою и впрямь замечательную маскировку охрана не успела среагировать и взорвать ее.

Шансы были. Недаром бойцы почти сутки пролежали в болоте, внимательно исследуя охраняемый периметр. Расслабились, расслабились охраннички, привыкли, что война — где-то там, вдалеке, и их не касается. На приборы свои хитрые во всем полагаются да на маскировку. Да только на всякий хитрый прибор русская смекалка найдется. Григорий Шестаков — Григ, как его прозвали ребята, твердо обещал, что без особых проблем проведет группу к самому забору так, что у этих ни один датчик не дернется. И ему верили. Да и как не поверить, коль он такое не раз уже проделывал, что с группой, что в одиночку...

Но сейчас прорыв становился бессмысленным. А значит, надо возвращаться. Пометить объект на карте, и ходу, ходу до базы. Три дня ходу. Группа находилась, как раньше говорилось, в глубоком тылу у врага. Пока доберешься, пока соберешься, пока вернешься назад. И никакой гарантии, что за такое время эти не решат в очередной раз перебазировать мобильную станцию. Уже сколько раз так нарывались. Не стоят станции подолгу на одном месте, не стоят! И если повезет такую встретить в рейде, то есть на это особый приказ — уничтожить немедленно и не считаясь с потерями. А как ее уничтожишь, если взрывчатки нет? Замкнутый круг!

— А может, у *этих* пошукаем? — Сержант Ваня Сидоренко, прозванный Сидром, отчаянным жестом махнул рукой вперед, в сторону проклятой станции.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Сюжет данного рассказа пришел ко мне во сне, поэтому со спокойной душой и с чистой совестью заявляю, что все персонажи в нем вымышленные и какие-либо совпадения случайны.

Секретная химическая лаборатория, 13.00

На мой стол упала записка, я обернулась и увидела подмигивающего Алека. «Разверни ее!» — прочитала я по его губам. Ах, Алек! Какая же ты прелесть! Завидев мою довольную улыбку, Алек ухмыльнулся и послал воздушный поцелуй. В этот момент в комнату вошел заведующий лабораторией, и Алек поспешно отвернулся, чтобы не скомпрометировать нас. В закрытом научно-исследовательском институте служебные романы не поощрялись. За амуры на рабочем месте увольняли. Муж и жена не могли работать в одной лаборатории. Ну а выходить с работы можно было только по одному, с интервалом в пятнадцать — двадцать минут, либо выезжать на грузовой машине, если договоришься с шофером. Машины отбывали с базы так же редко, но если кто-то выбивал себе место в грузовике либо фургончике, то мог выехать сразу с восьмью — десятью людьми. Некоторые шоферы могли вывезти и больше народу. Главное, опять же договориться с водителем на определенное время, чтобы не сбить график отбытия другим сотрудникам. Тяжелее всего приходилось последним.

Сидеть в институте три часа после окончания рабочего дня — любой взвоят. Чтобы никому не было обидно, мы чередовались, кто уходит первым, а кто последним. Но и тут были свои нюансы. Замужних женщин старались пропустить вперед, незамужние могли и подождать. Так уж повелось, что мы с Аликом уходили последними, вот и сблизились.

Шеф вышел в коридор. Я развернула сложенный вчетверо листик и уставилась на чистую бумагу. «Капни индикатором!» — прочла я по губам Алекса. Ну конспиратор. Капнув фенолфталеина, я увидела проявившиеся на листе алые буквы: «Я люблю тебя! Выходи за меня!» — и мое сердце радостно забилося. Я взглянула на настороженного и, кажется, волнующегося Алекса и, улыбаясь, кивнула.

Вернулся начальник, я спокойно, чтобы не выдать себя поспешностью, положила листик на стол и прикрыла сверху книгой. Едва начальство вновь отлучилось, я капнула на бумагу концентрированную серную кислоту, уничтожая надпись. Бумага почернела и слегка деформировалась. На всякий случай остатки листика я разорвала на множество кусочков, самые чистые из которых выкинула в свою мусорку, а более-менее подозрительные смыла в туалете. Конечно, когда мы с Аликом поженимся, уже ничего не скроешь, но пока наши отношения следует подержать в секрете. Ни ему, ни мне не хочется рисковать карьерой.

— Мамаев, Андрохина, зайдите ко мне в кабинет, — возник в дверях шеф, стоило мне вернуться в лабораторию.

«Неужели нас засекли?» — проскочила в голове испуганная мысль. Но нет, не могли так скоро. Или они заметили нас раньше, а теперь просто собираются уведомить. А может, вызывают по работе? Стараясь никак не выдать собственной нервозности, я направилась следом за начальством. Сзади неслышно шел Алик.

В кабинете у начальника было на удивление светло.

Шеф указал на круглый стол, предлагая нам самим выбрать места. Мы с Аликом сели через два стула. Не рядом, чтобы не акцентировать внимание на наших взаимоотношениях, но и не демонстративно напротив, чтобы не выдать себя показательным безразличием. Через стул или два самое то. Не слишком далеко, чтобы начальнику не приходилось мотать головой, разговаривая с нами, но и не слишком близко, чтобы беречь собственное пространство. Дверь открылась, и вошли еще три сотрудника из биохимической лаборатории. Чем они занимались, было для нас загадкой, в которую не следовало лезть. Традиционные сплетницы, обитающие во всех научных учреждениях, здесь бы не прижились. Хранители секретов долго не живут. Здесь действуют немного иные законы, и даже стукачи профессиональные. Но не в этом суть. Шеф улыбнулся и тоже присел с краю стола. Тут в комнату вошел довольно представительный мужчина среднего роста. Если бы я встретила его на улице, то ни за что бы не запомнила. Передо мной стоял классический пример заурядной, сливающейся с толпой внешности. Но что-то меня настораживало. Как исследователь я нутром чуяла подвох. Обычно самые невзрачные и обыденные вещи несут в себе открытия.

Мой шеф при приближении этого человека несколько напрягся и, взявшись за пульт, спросил:

— Уже можно начинать?

— Если все пришли, — тихо уточнил незнакомец.

— Пришли, — поспешно кивнул начальник, отчего-то нервничая.

— Это хорошо, — холодно улыбнулся незнакомец и, протянув руку к технике, сказал: — Я сам введу всех в курс дела.

Шеф послушно отдал ему пульт и сел на свое место. Незнакомец включил телевизор.

— Прежде всего я должен сказать, что круг осведомленных должен был быть больше, но в последний момент мы передумали. Всю до конца информацию будете

знать только вы как будущие руководители проекта. Прочим сотрудникам ее знать необязательно. Итак, начнем. — С этими словами он включил телевизор. На экране отобразился зеленый луг, на котором паслись кони. — Как вы уже знаете, в некоторых странах апробация созданных лекарств и некоторых веществ проводится на старых лошадях. Однако недавно нам удалось снять несколько иные кадры.

На экране появилась картинка, где четыре свиньи отчаянно грызли друг друга, стараясь добраться до шеи. Животные вели себя как хищники, а не как травоядные. Они рычали, прыгали друг на друга, толкались, пытались повалить на землю и загрызть. От увиденного у меня побежал холодок по спине — так неправильно и непривычно было видеть милых розовых хрюшек агрессивными и злыми. Зрелище выпачканных в крови пятачков вызывал тошноту. Незнакомец выключил телевизор и обернулся к нам.

— Думаю, достаточно, — произнес он. — Как вы уже поняли, поведение свиней совершенно атипичное. Скажу больше. Это экспериментальные хрюши. Мы хотим вас привлечь к исследованию данного явления. Ваша задача — выяснить, чем вызвано такое поведение. Вирус это либо какое-нибудь химическое вещество. А также найти пути борьбы с ним.

— Что в нашем распоряжении? — осторожно спросил Алик.

— Кусочек свиной кожи и мяса из задней части.

— А кровь? — подал голос один из биологов. — Она есть?

— Нет.

— Плохо. В ней может храниться полезная информация.

Мужчина скривился, словно говоря: «И сам знаю».

— Мы постараемся ее добыть, — произнес он. — Но вы, полагаю, догадываетесь, что наш агент не поставщик мяса, поэтому ориентируйтесь на то, что есть.

— Сколько у нас времени? — подала я голос.
— Три месяца, — коротко ответил он.
— Это очень краткие сроки! — возмутился все тот же биолог.

— Значит, вам придется сделать все возможное и невозможное! — холодно ответил мужчина. — Для лучшей организации дела вы будете жить и работать в отдельном специально оборудованном здании. Еду вам будут приносить специальные служащие. Связь с внешним миром только по особо важным причинам. Все ясно?

— Да, — раздался нестройный хор голосов. Похоже, коллегам, как и мне, нравилась эта идея все меньше и меньше. Однако что делать? Раз сказали — значит, вперед. Что-либо изменить уже поздно.

Нам дали два часа на сборы и отпустили с работы. А через четыре часа мы в институтском автобусе выезжали за город. Быстро мелькали за окном темные чащи елового леса и кромка серой асфальтированной дороги. Как жаль, что я абсолютно не ориентируюсь, в каком направлении мы едем.

— Что ты обо всем этом думаешь? — тихо спросил севший рядом со мной Алик. Сотрудников собрался полный автобус, и большинство устроились парами по тем лабораториям, в которых работают, поэтому наше с Аликом соседство не вызывало никаких кривых взглядов.

— Не знаю, — честно призналась я, обдумывая его вопрос. — У меня почему-то очень сильно екает под ложечкой и какое-то дурное предчувствие.

— У меня почему-то тоже, — ответил Алик. — А ведь я, в отличие от тебя, хорошей интуицией не обладаю.

— Да уж, — вздохнула я. — Знать бы, что нас ждет.

В это время автобус свернул на проселочную дорогу, запрыгав по ухабам. Я схватилась за ручку над окном.

— А мы недалеко уехали, — заметил Алик. — Возможно, у нашего здания даже канализация будет общей с городом.

— А это здание и не может быть далеко. Если в него спокойно завезут химиков и биологов на три месяца на полном пансионе, то оно самодостаточно. В то же время для химических и биологических лабораторий нужна отдельная от городской системы канализация. Строить новую в тмутаракани — крайне невыгодно в денежном плане. Так что, скорее всего, канализация данного здания действительно будет соединяться с городской институтской канализацией.

— Меня другое беспокоит: почему мы раньше об этом здании не знали?

— Ну если это какой-то секретный объект, то нам много знать и необязательно. А в некоторых случаях даже вредно.

— Ты права, — согласился Алик. — Ого! Смотри!

Прямо за следующей елкой открылся вид на довольно просторное приземистое здание. Лес хорошо его скрывал со стороны дороги. И подозреваю даже, сверху оно будет не шибко заметным. Мое сердце снова тревожно екнуло. Автобус снизил ход и стал медленно парковаться.

Пройдя по узенькой тропке, мы оказались перед небольшими стеклянными дверями. За ними был холл, руководитель группы направился в правый коридор. Через двадцать метров мы оказались в другом холле без окон и дверей. От еще одного холла его отделяла металлическая решетчатая дверь и пара кнопочек. Нам на встречу выскочила кругловатая розовощекая вахтерша.

— Манька, готовь пропуска, ученые приехали, — с каким-то сельским говором крикнула она.

Регистрация прошла довольно оперативно. Похоже, досье на каждого из нас было заготовлено заранее, что, в принципе, логично. Пройдя стальные двери, я вдруг отчетливо представила, что в следующий раз пройти через них могу только через три месяца. Руководитель группы расселил нас по комнатам, которые сильно напоминали гостиничные номера.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСЕЙ ГЛУШАНОВСКИЙ, СВЕТЛАНА УЛАСЕВИЧ

Цена империи. <i>Повесть</i>	5
Самый страшный зверь. <i>Рассказ</i>	72
Интернет как средство общения. <i>Повесть</i>	105

АЛЕКСЕЙ ГЛУШАНОВСКИЙ. *Рассказы*

...Нас не оставят в беде!	153
Цена смерти	159
Основа мироздания	170
Мсть экстрасенса	185
Апокалипсис на выбор. <i>Похождения Вени Лавочкина, часть 1</i>	192
Интересная охота. <i>Похождения Вени Лавочкина, часть 2</i> . . .	206
Настоящее счастье. <i>Выдержки из дневника архимага Велатриса Игнатийского, посвященные его общению с Избранной № 268 Лэрис Пристрастной</i>	226

СВЕТЛАНА УЛАСЕВИЧ. *Рассказы*

Эксперимент.	250
Фамильный перстень	268
Сын кровного врага	287
Озеро Ставрог.	304
Год.	308
Сотворение дракона. <i>Хроники Геи</i>	312
Маленькая женская тайна	321
Жизнь ворона	334
Внеурочная работа	340